

DOI: 10.31857/S241377150012294-6

К вопросу о рецепции творчества Ф. де Графиньи в России: “Письма двух жителей Перу” А. А. Писарева

© 2020 г. А. Д. Морозов

Аспирант Института мировой литературы
имени А.М. Горького Российской академии наук,
Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а
morozov-msu@mail.ru

Дата поступления материала в редакцию 29 июня 2020 г.

Дата публикации: 31 октября 2020 г.

Резюме. Статья посвящена особенностям рецепции в России одного из французских “бестселлеров” XVIII века — эпистолярного романа Ф. де Графиньи “Письма перуанки” (1747). В качестве объекта изучения избирается цикл стихотворных посланий “Письма двух жителей Перу” А.А. Писарева (1825). В процессе анализа устанавливается, что Писарев ориентировался преимущественно не столько на сам роман Де Графиньи, сколько на его продолжение, созданное У. де Ламарш-Курмоном и изданное анонимно под названием “Письма Азы, или Перуанца” (1749). Высказывается предположение, что Писарев, предлагая оригинальную интерпретацию французского сюжета о перуанцах, в значительной мере ориентировался на восходящую к текстам Овидия традицию “героид” — стихотворных посланий, написанных от лица персонажей, страдающих от разлуки с любимыми.

Ключевые слова: русская литература XIX в., французская литература XVIII в., А.А. Писарев, Ф. де Графиньи, У. де Ламарш-Курмон, эпистолярный роман.

Для цитирования: Морозов А.Д. К вопросу о рецепции творчества Ф. де Графиньи в России: “Письма двух жителей Перу” А.А. Писарева // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 5. С. 16–23. DOI: 10.31857/S241377150012294-6.

The Reception of F. de Graffigny’s Works in Russia: “Letters from Two Peruvians” by A. A. Pisarev

© 2020 Artem D. Morozov

Postgraduate at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
morozov-msu@mail.ru

Received by Editor on June 29, 2020

Date of publication October 31, 2020

Abstract. The article considers the particularities of the Russian reception of the epistolary novel “Letters of a Peruvian Woman” (1747) by F. de Graffigny, which became one of the “best sellers” in the 18th century France. A close attention is paid to the collection of poetic messages “Letters of two Peruvians” by A.A. Pisarev (1825). Our analysis demonstrates that Pisarev’s main focus was not so much on Graffigny’s novel, but rather on its sequel created by H. de La Marche-Courmont and published anonymously under the title “Letters from Aza, or from a Peruvian” (1749). An assumption is made that Pisarev, offering an original interpretation of the French plot about the

Peruvians, followed the tradition of “Heroides” that goes back to Ovid, i.e. poetic messages written on behalf of characters despairing over the separation from their beloved.

Key words: The 19th century Russian literature, the 18th century French literature, A.A. Pisarev, F. de Graffigny, H. de La Marche-Courmont, epistolary novel.

For citation: Morozov, A.D. K voprosu o retseptsii tvorchestva F. de Grafyni v Rossii: “Pisma dvukh zhitel'ei Peru” A.A. Pisareva [The Reception of F. de Graffigny’s Works in Russia: “Letters from Two Peruvians” by A.A. Pisarev]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020, Vol. 79, No. 5, pp. 16–23. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150012294-6.

В конце 1747 г. в Париже вышел роман “Письма перуанки” (*Lettres d’une Péruvienne*), ставший одним из наиболее значимых произведений Франсуазы де Графиньи (Françoise de Graffigny, 1695–1758). Имя этой писательницы, драматурга и хозяйки литературного салона (особенно в нашей стране) практически забыто, однако в XVIII в. ее известность и признание не подлежат сомнению. Показательно, что госпоже Де Графиньи посвящена глава в солидном биографическом сборнике “Французская галерея, или Портреты знаменитых мужчин и женщин Франции” (*Galerie française, ou Portraits des hommes et des femmes célèbres qui ont paru en France, 1770*), иллюстрированном Ж.-Б. Готье-Даготи — придворным художником королевы Марии-Антуанетты. В ней говорится, в частности, что “очаровательные <перуанские> письма” имели заслуженный успех: “любовь в них изображена в самых ярких красках”, а “нравы, характер и смешные черты французов списаны с натуры” [1, с. 153]. “Письма перуанки” изначально включали 38 посланий главной героини. Начиная с переиздания 1752 г. роман дополнился тремя письмами и псевдоисторическим вступлением, рассказывающем об идеальном устройстве государственной и общественной жизни перуанцев до испанских завоеваний. Источником для настоящей статьи послужила именно эта расширенная версия.

Поскольку “Письма перуанки” практически неизвестны современному и особенно отечественному читателю, целесообразно обратиться к их содержанию. Начало действия романа разворачивается в Южной Америке, в столице империи инков Куско. На храм Солнца, где воспитывается молодая перуанка Зилия, нападают испанские конкистадоры и похищают ее накануне замужества с принцем Азой. Испанский корабль, в трюме которого томится девушка, настигает французский фрегат, и Зилия вновь становится пленницей — на этот раз капитана Детервиля, который влюбляется

в перуанку с первого взгляда и пытается вызвать ответное чувство. Но для Зилии существует только Аза, а воссоединение с ним — ее единственная цель. Попав во Францию, девушка критически, с “просветительских” позиций сравнивает порядки и нравы новой страны с перуанскими в пользу последних, а позже, заручившись поддержкой друзей в лице Детервиля и его сестры и овладев французским языком, встречается с любимым после нескольких лет разлуки. Однако долгожданная встреча проходит совсем не так, как ожидала перуанка. Она узнает, что Аза также был похищен, но оказался при испанском дворе, где полюбил другую девушку и собирается на ней жениться: “Он бежит от меня, он меня больше не любит, он сказал мне это: для меня все кончено. Он женится на другой, он покидает меня, к этому его обязывает честь <...> Ты видел меня у своих ног, варвар Аза; ты видел, как я омывала их слезами, и твое бегство... Ужасная минута! Почему воспоминание о тебе не лишает меня жизни?” [2, с. 234]. В отчаянии Зилия уединяется в своем поместье под Парижем, приобретенном на перуанское золото, которое отвоевал для нее Детервиль. В последнем письме девушка призывает своего благодетеля отречься от “бурных чувств, незаметно разрушающих нашу жизнь” и приехать к ней, чтобы вместе “познать блаженства невинные и длительные”: “Это забытое и даже неведомое многим ослепленным людям чувство, эта столь сладостная мысль, это столь чистое блаженство — я есть, я живу, я существую <курсив автора. — А.М.>, радость бытия — лишь она могла бы осчастливить, если бы о ней помнили, если бы ей наслаждались и если бы знали ей цену” [2, с. 243–244]. На такой философской ноте Ф. де Графиньи закончила роман, удивив читателей как неожиданным, фактически открытым финалом, так и весьма прогрессивными идеями.

Несмотря на заурядность и наивность сюжетной линии в целом, обнаруживающей

сходство с галантно-героическими романами XVII в., в свою очередь восходящих к “Эфиопике” Гелиодора (III–IV вв. н.э.), “Письма перуанки” имели значительный успех. “В общем, можно сказать, что в последнее время у нас не появлялось ни одного произведения, где стиль был бы более блистательным, выражения — более нежными, чувства — более сильными, мысли — более свежими, чем в истории Зилии” [3, с. 53–54], — отмечал в 1749 г. критик Ж. де Ла Порт, с которым согласилось бы большинство его современников. С момента публикации и до 1855 г., по подсчетам канадского исследователя Д. Смита, “Письма перуанки” выходили отдельными книгами по меньшей мере 133 раза, а с 1761 по 1800 г. по количеству переизданий они не уступали известному бестселлеру XVIII в. “Юлии, или Новой Элоизе” Ж.-Ж. Руссо [4, с. 11]. За относительно короткий срок появились переводы на английский (1748), итальянский (1754), польский (1784), русский (1791), немецкий (1792), испанский (1792), португальский (1802), шведский (1828), датский (1855) языки, многочисленные продолжения и подражания. Известно, что роман перекладывали в стихи (а именно по-итальянски и по-английски), а также по его мотивам ставились оперы — “Перуанка” (*La Peruviana*, 1754) К. Гольдони и “Перуанка” (*La Péruvienne*, 1754). Р. де Шабана.

Историю рецепции произведения госпожи Де Графиньи в России можно проследить как минимум до первой четверти XIX в. Согласно сведениям отечественной исследовательницы М.В. Разумовской, в Российской национальной библиотеке хранится по меньшей мере 12 различных изданий “Писем перуанки” на языке оригинала, три из которых (1748, 1752 и 1768 гг.), судя по экслибрисам, входили в состав Эрмитажной библиотеки Екатерины II, а один экземпляр (1768 г.) принадлежал ее фавориту А.Д. Ланскому [5, с. 202]. Первый перевод романа на русский язык, выполненный Е. Савиным в 1752 г., остался в виде рукописи [6], а опубликованный перевод Е. Каменского, восходящий ко второму изданию, но без вступлений и ряда отдельных писем, датируется 1791 г. [7]. Известно, что одна из первых русских писательниц А.Ф. Ржевская в 1760-е гг. сочинила “Кабардинские письма”, которые, по замечанию просветителя Н.И. Новикова, “во вкусе перуанском”, и «многими знающими людьми весьма похваляются и почитаются лучше “Перуанских писем”» [8, с. 187]. При жизни Ржевской

ее произведение существовало только в рукописном виде и до наших дней, вероятно, не сохранилось. В XIX в. (по крайней мере до второй его четверти) интерес к “Перуанским письмам” в России не угасал: в литературной периодике (например, в “Дамском журнале” и “Аглае” [9]) Ф. де Графиньи и ее роману посвящались статьи, продолжали выходить оригинальные, вдохновленные им произведения.

Одной из наиболее ярких художественных интерпретаций этой истории о перуанцах можно считать стихотворные “Письма двух жителей Перу”, написанные Александром Александровичем Писаревым (1780–1848). Он, сын московского дворянина, участвовал в крупных наполеоновских сражениях (под Аустерлицем, Фридландом, Люценом, Бородино и др.) и сделал блестящую карьеру военного. В разные годы Писарев являлся попечителем Московского университета, членом Российской академии, президентом Московского общества испытателей природы. Также он занимался литературным творчеством и переводами. Помимо интересующих нас “Писем...” перу Писарева принадлежит несколько басен, сатир, военно-патриотических од, гимнов, хоров, книг по вопросам искусства и словесности.

Первое из пяти “Писем двух жителей Перу”, сопровождаемое кратким пересказом “известного романа г-жи де Графиньи” [10, с. 131], вышло в 16 номере “Дамского журнала” 1825 г. В полном варианте произведение появилось в том же году в альманахе Писарева “Калужские вечера, или Отрывки сочинений и переводов в стихах и в прозе военных литераторов”. Историю возникновения книги автор изложил в предисловии: “Во время квартирования 2-ой гренадерской дивизии в городе Калуге (1817–1821) общество гг. офицеров согласилось в продолжение долгих зимних вечеров собираться между собою и читать некоторые свои произведения по части словесности <...> единственно же для своей забавы и на досуге от должностей по службе” [11, с. 5]. Эти произведения (как стихотворные, так и прозаические) и вошли в “офицерский” альманах.

Писаревские “Письма...” состоят из пяти посланий Зилии и Азы, написанных шестистопным ямбом с чередующимися (в основном попарно) мужскими и женскими рифмами. Сюжет восходит к “любовной” части романа на момент встречи перуанцев после разлуки. Письма, написанные поочередно

от лица Зилии и Азы, представляют собой страстный диалог с подозрениями, упреками в неверности и признаниями в нежных чувствах. По формальным и содержательным признакам произведение относится к жанру эпистолы и продолжает традицию, идущую еще от “Героид” Овидия (I в. до н.э.), которые состоят из стихотворных посланий, написанных от лица мифологической или исторической героини (Пенелопы, Федры, Дидоны, Саффо и др.) к покинувшему ее мужу или возлюбленному. По замечанию отечественного филолога-антиковеда В.С. Дурова, все письма в “Героидах” объединяет мотив мольбы, а ведущая тема плача покинутой женщины развивается по единой схеме: “просьба о возвращении любимого, упрек в неисполнении им обещания, отчаяние в связи с разлукой, оплакивание обманутой любви, желание смерти и так далее” [12, с. 9]. В таких молящих выражениях, например, обращается Федра к любимому ею пасынку Ипполиту:

Только не медли, прошу, и союз заключи поскорее,
Пусть не терзает тебя так, как меня, Купидон <...>
Ты пожалей же меня, нрав свой суровый смягчи
<...>

Ради Венеры, всю мощь на меня обратившей,
помилуй! <...>

Только слова мольбы, над которыми слезы лила я,
Ты прочитай и представь бедную Федру в слезах
[13, с. 87–88].

В XVIII в., по замечанию Ю. Волхонович, происходит “восстановление” героид как самостоятельной жанровой формы, основанной на подражании Овидию и наполнении его новым, как правило, трагедийно-напряженным содержанием [14, с. 81]. По ее мнению, героиды Нового времени суть стихотворные послания, написанные от лица известных персонажей, которые “переживают разлуку с возлюбленными или их смерть, томятся в темницах или оказываются в других подобных неимоверно трагических обстоятельствах” [14, с. 82]. Сюжет героид заимствовался не только из мифов и легенд, но также из трагедий и романов. Широкое распространение героиды получили во Франции во второй половине XVIII столетия, и к наиболее ярким апологетам этой жанровой формы относятся Ш.-П. Колардо, К.-Ж. Дора, Г. Мейхол, Г. де Бошамп. По подсчетам Ю. Волхонович, в русской литературе за 1759–1843 гг. насчитывается по меньшей мере 60 переводов, имитаций и оригинальных героид в целом [14, с. 81]. Среди их авторов – А.П. Сумароков,

М.М. Херасков, В.Д. Санковский, супруг вышеупомянутой писательницы А.А. Ржевский и другие поэты и переводчики. Прямое отношение к традиции героид имел и сам Писарев. В том же альманахе сразу же после “Писем двух жителей Перу” он поместил свою поэму-эпистолу “Армида к Ренальду”, которая является вольным переводом одноименной героиды Колардо (1758), написанной, в свою очередь, по мотивам героической поэмы Т. Тассо “Освобожденный Иерусалим” (1581). “Письма двух жителей Перу”, являясь по сути развернутой эпистолой, восходят к этой литературной традиции.

“Письма...”, как и первое вышедшее до них послание, предваряет пересказ содержания, по словам автора, романа госпожи Де Графиньи. Однако, судя по пересказу и самому произведению, источником послужили не столько “Письма перуанки”, сколько одно из первых и наиболее популярных их продолжений – “Письма Азы, или Перуанца” (*Lettres d’Aza, ou d’un Péruvien*) Угари де Ламарш-Курмона (Hugary de La Marche-Courmont, 1728–1768). В истории литературы он, вероятно, известен как автор только этого произведения. “Письма Азы...” представляют собой также эпистолярный роман, состоящий из предисловия и 35 посланий. Произведение появилось в печати уже в 1749 г. и выходило, как правило, под одной обложкой с “Письмами перуанки”, выдержав до второй четверти XIX в. около 30 переизданий. Все они выходили анонимно, а потому могли восприниматься, в том числе Писаревым, как продолжение, написанное Ф. де Графиньи. Не исключено, что историю о перуанцах русский поэт знал только по “Письмам Азы...”, сюжет которых отчасти повторяется в “Письмах перуанки”. В любом случае, указав в качестве “основания сим письмам” [11, с. 98] роман госпожи Де Графиньи, Писарев допустил фактическую ошибку.

Роман У. де Ламарш-Курмона интересен тем, что рассказывает ту же историю от лица Азы и предлагает альтернативную – более счастливую – концовку. Вкратце сюжет строится на том, что перуанский принц Аза, так же, как и его возлюбленная, попал в плен. Из его писем к другу (такому же пленному перуанцу Кануискапу) читатель узнает, что принца перевезли в Мадрид и приставили к нему губернатора Перу – испанца Алонзо. Аза, ничего не зная о судьбе Зилии после нашествия конкистадоров, просит Кануискапа сообщить,

когда ему станет что-либо о ней известно. Вскоре от него же принц узнает, что Зилия жива, но ее переправили в другую часть света. Не теряя надежды отыскать и спасти возлюбленную, Аза описывает и сравнивает европейские (испанские) реалии с перуанскими, в частности нравы, религию, аутодафе и пр. В отличие от Зилии, перуанский принц не столько критикует, сколько поражается цивилизации, интересуется философией и метафизикой, признает достоинства христианства. Затем он узнает, что испанский корабль, на котором плыла Зилия, затонул, а сама она, вероятно, погибла. От отчаяния Аза серьезно заболевает, и только заботы Алонзо и его дочери Зюльмиры возвращают перуанца к жизни. В свою очередь, дочь губернатора также заболевает и, находясь уже при смерти, признается в любви к Азе. После этого она выздоравливает, и перуанец решает взять ее в жены, рассчитывая таким образом вернуться на родину и жестоко отомстить испанцам. Накануне свадьбы, уже приняв крещение, Аза получает очередное письмо, из которого узнает, что Зилия все-таки жива и ждет его в Париже. Бросив все, он приезжает к перуанке, но, судя по тому, с каким трепетом она читала при нем письмо от Детервиля и как нежно о нем отзывалась, подозревает ее в неверности. В приступе ревности Аза отвергает девушку и уезжает: «Она писала Детервилю, письмо все еще в ее руках... Роковой момент помутил мой разум, и я задумал самый недостойный поступок <...> Жестокие слова прощания... Какая минута!.. Как я мог?.. Да, Кануискап, я сбежал от Зилии. Зилия у моих ног, ее рыдания и мои, готовые с ними слиться... Детервиль... какое воспоминание! В ярости я избежал ее объятий» [15, с. 109]. Аза раскаивается, и Зилия, поняв, что произошло недоразумение, его принимает. Зюльмира, простив и благословив сбежавшего жениха, уходит в монастырь, а французский король, до которого дошли слухи о влюбленных перуанцах, приказывает доставить их на родину.

Пересказ романа, представленный Писаревым, повторяет основные эпизоды из «Писем Азы...» и частично из «Писем перуанки». Так, не знакомые лично с этими романами читатели могли иметь общее представление об истории Зилии и Азы, начиная с их разлуки до воссоединения. Впрочем, и та, и другая развязка (уединение Зилии в своем поместье в «Письмах перуанки» или возвращение героя на родину в «Письмах Азы...») автором

не прописаны. Сюжет романа в его кратком изложении завершается роковой встречей перуанцев, а следующие за ней стихотворные письма представлены как оригинальное продолжение: «Изумляется Зилия, слезы ее, жар выражения о своей признательности к великодушному Детервилю поселяют в Азе жестокую ревность; скорая его перемена те же производит чувства в Зилии, они друг другу не доверяют в чувствах, друг друга упрекают, и вот начало переписки» [11, с. 99]. В качестве экспозиции выступает кульминационная сцена из «Писем Азы...», достойная сюжета героиды, а сам роман предстает в интерпретации Писарева как мелодраматическая «слезливая» история. Показательно, что все его внимание приковано к любовным перипетиям, а значительные эпизоды из романов с критическим взглядом на европейские реалии никак не освещаются. Любопытно также замечание поэта о характере героев, предопределившее эмоциональную тональность стихотворных писем: «Присловим, что наши любовники пылкого нрава; однако же Аза умерил свой нрав рассудком, а Зилия чистосердечием» [11, с. 99].

Первое стихотворное послание от Зилии к Азе соотносится по содержанию с «Письмами перуанки». Так, героиня рассказывает историю своей жизни, начиная от служения в храме и до того момента, когда ее отверг возлюбленный. Имплицитно эти эпизоды представлены и в «Письмах Азы...», что опять же ставит под вопрос знакомство Писарева с непосредственным источником. Впрочем, одно свидетельство, что русский поэт читал «Письма перуанки», в тексте все же присутствует. Излагая следующие за морским сражением события, перуанка у Писарева отмечает:

Брега нам Франции убежище явили,
Где люди добрые там Зилию любили
Как друга, как родню. Ах! в Перу лишь одном
Могла я засыпать таким приятным сном [11, с. 101].

Если допустить, что источником этого письма послужил роман Ф. де Графиньи, то под «добрыми людьми» подразумеваются Детервиль, сестра Сэлин и ее муж. Последние два персонажа фигурируют в «Письмах перуанки» и в продолжении не упоминаются. Помимо повествовательного для послания характерен лирический элемент, выраженный эмоционально окрашенными стихами, как правило, императивного тона:

Коль жертвы ищешь ты, рази меня скорей...
Чудовище... Ах! нет, ты жизнь души моей! <...>

Отмщайте, Небеса!.. ах! громы удержите,
И справедливее несчастную разите...
Все бедствия хочу одна я понести,
Умру — но ты живи, и счастлив будь... прости
[11, с. 101].

Второе послание от Азы к Зилии является своего рода ответом на предыдущее и по содержанию сопоставимо с «Письмами Азы...». Выражая сожаление о том, что Зилия его больше не любит, герой вкратце рассказывает о своих злоключениях — от вторжения испанцев в Куско до встречи с перуанкой в Париже. Как и в предыдущем послании, в письме Азы повествовательный элемент неотделим от лирического, так как многие эпизоды из романа подаются через эмоционально-личностное восприятие героя. Так, например, динамичные сцены жестокости конкистадоров и отваги Азы сразу, в составе того же двустушия, сменяют печальные риторические размышления:

Когда сии враги, что только не встречали,
Убийственной рукой все в граде низвергали,
Тогда тебя спасти я к смерти полетел;
Но ах! зачем тогда ж, зачем я уцелел?
Или, чтобы бедам не знал я век преграды?..
За жертвы все мои такой ли ждал награды?
[11, с. 101].

Внимание автора, сосредоточенное на внутреннем мире героев, очевидно, носит отпечаток сентиментализма, который, впрочем, оказал влияние и на романы, послужившие источником. Показательно, что в последних стихах Азы отражена идея естественного чувства:

Ах! Зилия, поверь, довольно бы того,
Коль истинно любить могли мы одного,
Век истинно любить врожденное есть чувство...
Не навык, не родство, не хитрое искусство!
[11, с. 104].

Третье письмо от Зилии к Азе и четвертое от Азы к Зилии посвящены примирению героев. Свой страстный монолог перуанка начинает с того, что рассказывает о письме, полученном от Детервиля:

Сей самый Детервиль с тобою посылает
Ко мне свое письмо, в котором изъясняет,
Что он исполнил все, решился умереть;
Доволен — Зилию что в счастье мог узреть
[11, с. 104].

О решении Детервиля уйти из жизни ни в том, ни в другом романе прямо не говорится, а потому эта сюжетная деталь придумана самим Писаревым. Впрочем, если русский поэт все же читал «Письма перуанки», то строки

о герое, который «исполнил все, решился умереть», могли быть навеяны 25-м письмом из этого романа. «Да, Зилия, я осознаю, я чувствую всю свою несправедливость. Но можно ли хладнокровно отказаться от вида стольких прелестей? Если вы этого хотите, то я повинуюсь. Какая жертва, о небо! Мои печальные дни будут проходить без вас. По крайней мере, если бы смерть... Но не будем больше об этом» [2, с. 153] — так, со слов перуанки, Детервиль говорил с ней после того, как узнал о судьбе Азы.

Зилия в послании Писарева описывает свои душевные переживания, вызванные письмом и повлекшие ревность перуанца:

Признаюсь, весть сия восторги прерывала,
Я мучалась, рвалась... с тобой все забывала!..
Но долго меж собой бороться не могла —
И благодарность тут все душу заняла [11, с. 104].

Интересно, что, в отличие от романа, в интерпретации Писарева инициатором примирения выступает не Аза, а Зилия, которая извиняется, что дала ему повод для ревности:

Прости, что я тому причину подала,
Что благодарностью я тронута была <...>
Прости виновную, которая страдает
И участи своей от Азы ожидает [11, с. 105].

Вторя чувствам перуанки, Аза в своем письме признает, что совершил ошибку, и также, в свою очередь, просит прощения:

Ах! Зилия, прости, что в том мог ошибиться,
Чем смертные могли б с бессмертными сравниться <...>
Покорностью своей всю ревность искуплю..
Иль в том моя вина, что пламенно люблю!
[11, с. 105–106].

Пятое послание от Азы адресовано Кануи-скапу. По содержанию оно сопоставимо с 35-м, последним, письмом из романа У. де Ламарш-Курмона, в котором герой рассказывает другу о примирении с возлюбленной. В образе героя — сентиментального перуанца — прослеживаются романтические черты. Так, например, описывая душевное состояние после встречи с возлюбленной, Аза говорит о своей глубокой печали, повлекшей отрешенность от внешнего мира:

Забудем то: как я во Францию летел <...>
Как жизнью дорожить тогда я не хотел,
И в смерти лишь одной свое зрел утешенье;
Сбирался на краю вселенной я грустить,
А в городе одном я с нею оставался [11, с. 107].

В этом же письме он рассказывает о дальнейшей судьбе других персонажей, в том числе Зюльмиры и ее отца:

Великодушно все Алонзо мне простил,
Зюльмира, дочь его, прошедше забывает,
Другой уже ее и руку получил;
Их переписка мне отраду умножает [11, с. 108].

Здесь Писарев трактует сюжет опять же вольно, т.к. в романе Зюльмира уходит в монастырь, а о том, простил ли Алонзо перуанца, неизвестно. В отличие от источника, стихотворное послание Азы не ограничивается любовной развязкой и носит в большей степени философско-морализаторский характер:

Остаток дней своих с усердьем посвятим:
Мы жертвовать собой отечеству рождены <...>
Несчастья свои не может кто забыть,
Тот их вторично ждет, вторично тот страдает!
[11, с. 108].

“Письма двух жителей Перу”, написанные по мотивам популярных французских романов XVIII в. о перуанцах, представляют интерес как в формальном, так и в содержательном плане. Опираясь на традицию героид, А.А. Писарев трансформировал сюжет “Писем перуанки” Ф. де Графиньи и, в большей степени, “Писем Азы, или Перуанца” У. де Ламарш-Курмона и представил их в виде стихотворной переписки между двумя влюбленными — главными героями этих романов. Произведение отличается эмоциональной насыщенностью, выразительностью образов, носит отпечаток сентиментальной и частично романтической эстетики. Так история о перуанцах, основанная изначально на любовно-авантюрном сюжете и философско-просветительских идеях, получила под пером русского поэта яркую мелодраматическую интерпретацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Gautier-Dagoty J.-B. Madame de Graffigny // Galerie française, ou Portraits des hommes et des femmes célèbres qui ont parus en France. Paris: Chez Herissant le fils, 1770. P. 153–156.*
2. *Graffigny F. de. Lettres d'une Péruvienne. Paris: Chez la veuve Duchesne, 1773. 370 p.*
3. *La Porte J. de. Lettres d'une Péruvienne // Observations sur la littérature moderne. T. I. La Haye, 1749. P. 33–54.*
4. *Smith D. Introduction // Bibliographie des œuvres de Mme de Graffigny 1745–1855. Ferney-Voltaire:*

Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2016. P. 11–20.

5. *Разумовская М.В. К вопросу о переводе “Писем перуанки” на русский язык // Международный фактор в литературном процессе. Л.: ЛГУ, 1989. С. 193–202.*
6. *Графиньи Ф. Письма одной перувианки, умноженные господином Детервилем // ОР НРБ. Ф. 777. Собр. Тиханова П.Н. Оп. 3. № 648. 1752. 340 с.*
7. *[Графиньи Ф. де.] Перуанские письма. Перевел с французского Евгр[аф] Кам[енский]. СПб.: Имп. тип., 1791. 332 с.*
8. *Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб.: Академия наук, 1772. С. 264.*
9. *Лакло П.Ш. де. О госпоже Графиньи: (Из Дамского жур.) // Аглая. 1808. Ч. 3. С. 42–44.*
10. *Писарев А.А. Письма двух жителей Перу // Дамский журнал. 1825. № 16. С. 131–136.*
11. *Писарев А.А. Письма двух жителей Перу // Калужские вечера, или Отрывки сочинений и переводов в стихах и прозе военных литераторов. Ч. 1. М.: Унив. тип., 1825. С. 98–108.*
12. *Дуров В.С. Поэзия любви и скорби // Овидий Публий Назон. Собр. соч. Т. 1. СПб.: Студия биографика, 1994. С. 5–22.*
13. *Овидий Публий Назон. Героиды // Овидий Публий Назон. Собр. соч. Т. 1. СПб.: Студия биографика, 1994. С. 73–134.*
14. *Волхонович Ю. Жанр героиды и русская поэзия XVIII–XIX вв. // “Blessed Heritage”. The Classical Tradition and Russian Literature. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2008. С. 81–91.*
15. *[La Marche-Courmont H. de.] Lettres d'Aza, ou d'un Péruvien. Amsterdam: Aux de'pens du De'laisse', 1755. 124 p.*

REFERENCES

1. *Gautier-Dagoty, J.-B. Madame de Graffigny. Galerie française, ou Portraits des hommes et des femmes célèbres qui ont parus en France. Paris, Chez Herissant le fils, 1770, pp. 153–156. (In French.)*
2. *Graffigny, F. de. Lettres d'une Péruvienne. Paris, Chez la veuve Duchesne, 1773. 370 p. (In French.)*
3. *La Porte, J. de. Lettres d'une Péruvienne. Observations sur la littérature moderne. T. I. La Haye, 1749, pp. 33–54. (In French.)*
4. *Smith, D. Introduction. Bibliographie des œuvres de Mme de Graffigny 1745–1855. Ferney-Voltaire, Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2016, pp. 11–20. (In French.)*

5. Razumovskaia, M.V. *K voprosu o perevode "Pisem peruanki" na russkii iazyk* [On the Translation of "Letters from a Peruvian Woman" into Russian]. *Mezhdunarodnyi faktor v literaturnom protsesse* [International Factor in the Literary Process]. Leningrad, Leningrad State University, 1989, pp. 193–202. (In Russ.)
6. Grafin'i, F. *Pisma odnoi peruvianski, umnozhennye gospodinom Deterville* [Letters from a Peruvian Woman Multiplied by Mr. Deterville]. *OR NRB. F.777. Sobr. Tikhonova P.N. Op.3. № 648* [Manuscripts Department of the National Russian Library. F. 777. Collection of Tikhonov P.N. List 3. No. 648]. 1752. 340 p. (In Russ.)
7. [Grafin'i, F. de.] *Peruanskiia pisma. Perevel s frantsuzskago Evgraf Kamenskii* [Peruvian Letters. Translated from French by Evgraf Kamensky]. St. Petersburg, Imperial Printing House, 1791. 332 p. (In Russ.)
8. Novikov, N.I. *Opyt istoricheskogo slovaria o rossiiskikh pisateliakh* [Experience of the historical dictionary of Russian writers]. St. Petersburg, Academy of sciences, 1772. P. 264. (In Russ.)
9. Laklo, P.Sh. de. *O gospozhe Grafinji: (Iz Damskago zhur.)* [About Madame de Graffigny: (From the Ladies Journal)]. Aglaia, 1808, Part 3, pp. 42–44. (In Russ.)
10. Pisarev, A.A. *Pisma dvukh zhitelei Peru* [Letters of Two Peruvians]. *Damskii zhurnal* [Ladies Journal], 1825. No. 16, pp. 131–136. (In Russ.)
11. Pisarev, A.A. *Pis'ma dvukh zhitelei Peru* [Letters of two Peruvians]. *Kaluzhskie vechera, ili Otryvki sochinenii i perevodov v stikhakh i proze voennykh literatorov* [Kaluga Evenings, or Fragments of Essays and Translations in Verses and Prose of Military Writers]. Part 1. Moscow, University Printing House, 1825, pp. 98–108. (In Russ.)
12. Durov, V.S. *Poeziia liubvi i skorbi* [Poetry of Love and Sorrow]. *Ovidii Publ'ii Nazon. Sobr. soch.* [Ovid's Complete Works]. T. 1. St. Petersburg, Studia biografika Publ., 1994, pp. 5–22. (In Russ.)
13. Ovidii, Publ'ii Nazon. *Geroidy* [Ovid's Heroides]. *Ovidii Publ'ii Nazon. Sobr. soch.* [Ovid's Complete Works]. T. 1. St. Petersburg, Studia biografika Publ., 1994, pp. 73–134. (In Russ.)
14. Volkhonovich, Iu. *Zhanr geroidy i russkaia poeziia XVIII–XIX vv.* [Genre of Heroids and Russian Poetry of the 18th – 19th Centuries]. "Blessed Heritage". The Classical Tradition and Russian Literature. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2008, pp. 81–91. (In Russ.)
15. [La Marche-Courmont, H. de.] *Lettres d'Aza, ou d'un Péruvien*. Amsterdam, Aux de'pens du De'laisse', 1755. 124 p. (In French.)